

Феликс Сорин

ТО, ЧТО НЕ ЗАБЫТО

Хроника одного детства

Тель-Авив, 2021

Феликс Сорин

ТО, ЧТО НЕ ЗАБЫТО

Хроника одного детства

Дизайн обложки
и компьютерная верстка
Александра Янковская

Израиль, 2021 — 68 с.

ISBN 978-965-561-256-1

© Феликс Сорин, 2021

© Все права сохраняются за автором. Данная книга или любая ее часть не может быть воспроизведена в какой — либо форме без письменного разрешения автора.

© Издательство Beit Nelly Media, 2021.

Лето 1941 года

День выдался грустным. Два дня назад, после отпуска, уехал продолжать учёбу в Выборгском военноморском училище любимый брат Исаак, с которым так весело и интересно мы проводили время: занимались акробатикой, на велосипеде ездили купаться на речку, катались по лесу, откуда однажды привезли очень забавного ёжика... Днём уехал и папа, его срочно вызвали на совещание в обком партии, в Вилейку и, в завершение, ближе к вечеру, уехала любимая подружка Альбина. Папа у неё был военным и его направили в Брест... продолжать службу.

*Мама и папа, в руках фото брата Исаака. Ошмяны.
Начало июня 1941 г.*

Исаак. Выборг. 1940 год

*Июнь. Ошмяны. 1941 год.
Я с кошкой Муськой*

А на завтра, тихим воскресным утром 22 июня 1941 года наш городок Ошмяны, небольшой районный центр Западной Белоруссии в предвоенные годы, проснулся от грохота бомбовых разрывов. Был разрушен дрожжевой завод, повреждено здание райкома партии и сожжено несколько жилых домов.

Так началась война.

Семья наша (папа, мама, брат Исаак, сестра Роза и я) переехала в Ошмяны из города Чаусы Могилевской области год назад. Папа был направлен на работу в Ошмянский райком партии заведующим парткабинетом. В это утро дома были мама, Роза и я. Было страшно, не знали, что делать и с нетерпением ждали возвращения папы.

Отец вернулся в полдень, велел маме срочно собрать самые необходимые вещи и документы и сразу же ушёл на работу.

В 12 часов по радио выступал Молотов, и мы официально узнали, что началась война. По нашей, Советской улице уже с утра начал двигаться поток беженцев и грузовых машин, увозящих на Восток раненых военных. Через какое-то время к нам пришла грузовая машина, на неё погрузили один небольшой чемодан и два узла, мне мама велела нести своё зимнее пальто, и нас отвезли в райком.

Здесь, в полуподвальном помещении райкома уже находилось несколько семей, ожидавших эвакуации. На каменной лестнице, ведущей в полуподвал темнели бурые пятна. Это была кровь убитого во время утренней бомбёжки секретаря райкома Зейфтмана, первая, увиденная мною, кровь войны. Папа занимался организацией работы по эвакуации. К концу дня во дворе райкома остались только мы и капитан из военкомата с женой и маленькой дочкой. Машина, которая должна была нас забрать, почему-то долго не приходила.

Уже начало вечереть. Капитан вышел на дорогу и пытался остановить какую-либо машину, идущую на Восток, но никто не останавливался. Тогда, перед очередной появившейся машиной он выскочил на середину улицы, выхватил пистолет и выстрелил в воздух. Машина остановилась. В одну минуту мы все с вещами оказались в кузове и поехали. Уже ночью мы повстречали воинскую колонну, идущую на запад. Нас остановили, и подошедший офицер сказал,

что машину он забирает, а нас, либо высадит здесь, либо отвезёт обратно в Ошмяны. Родители решили вернуться в город. В полночь мы пешком пошли из города на Восток, в сторону Сморгони, где папа должен был явиться в тамошний райком партии...

Прошло немного времени (я уже успел устать), когда нас догнала подвода, в которой сидел человек, папин знакомый. Мне кажется, это был наш сосед по двору. Папа попросил его подвезти меня. Я слышал, как отец говорил ему, что если мы вдруг разойдемся в пути, то встретимся в Сморгонском райкоме партии. Я взобрался на телегу, укутался в своё зимнее пальто и начал засыпать. Сквозь дрему я слышал разговор родителей, которые шли рядом с подводой, особенно выделялся голос мамы, он был осипший и его нельзя было спутать с другим голосом.

Я уснул. Сквозь сон я иногда слышал, как гремят колеса телеги по булыжной мостовой, слышал рокот моторов, а один раз проснулся оттого, что плакала девочка, ехавшая со мной в телеге. В общем, ночь прошла спокойно, без приключений.

Проснулся я оттого, что стало жарко лицу. Первая мысль была: «Где мама»? Открыл глаза и увидел яркое, недавно взошедшее солнце. Но в этот момент я услышал за подводой осипший голос мамы и успокоился. Через какое-то время я решил посмотреть, как идут мама, папа, Роза. Встал, посмотрел... По дороге за подводой двигалось очень много людей: на подводах, на велосипедах, пешком, с колясками и с вещами в руках, но в этой толпе я никого из своих не увидел.

Стало очень тоскливо, я чуть не заплакал, но вспомнил, что папа с мужчиной договорились на такой случай встретиться в Сморгони в райкоме партии и немного успокоился. Когда мы подъехали к Сморгони, прилетели немцы и стали бомбить город.

Мы съехали на обочину дороги и спрятались в тени сосен, а когда немцы улетели — поехали дальше. Город горел. Когда подъехали к райкому, то увидели на его месте огромную воронку, заполненную рыжей водой и обломки разрушенного строения. Хозяин поставил подводу в тени ближайшего дома, дал лошади сена, что лежало в подводе, взял ведро и пошёл искать колодец. Женщина с девочкой и я сели на траву возле подводы и женщина дала мне что-то покушать.

Я неотрывно смотрел на дорогу, откуда должны были придти мама, папа и Роза. Вернулся хозяин, напоил лошадь, что-то покушал и лёг на траву отдыхать. А я смотрел на дорогу. Проходило и проезжало много людей, но моих среди них не было. Минут через тридцать-сорок хозяин сказал: «Надо торопиться, больше ждать не можем». Мы уселись на подводу и поехали. Какое-то время я ещё смотрел на дорогу и вдруг ясно понял, что мне больше никогда не встретиться со своими родными. Я лёг, уткнулся лицом в воротник своего пальто и беззвучно заплакал.

Дальше поездка проходила в каком-то полузабытьи. Когда появлялся звук самолётов, мы съезжали на обочину или просто останавливались на время. Несколько раз немцы бомбили шоссе, но это было не слишком близко от нас. Так мы доехали до Молодечно.

Мы уже были в центре города, когда налетели немецкие бомбардировщики. Началось что-то невероятное. Мы оказались в центре бомбёжки. Слева и справа от нас падали бомбы. Деревянные дома просто рассыпались в воздухе. Мужчина встал в телеге на колени и стал хлестать лошадь кнутом. Телега рванулась, я еле успел схватиться за поручни. Женщина одной рукой тоже держалась за поручни, а второй прижимала к себе девочку.

Дорога была выложена булыжником и телегу трясло и подбрасывало невероятно, казалось, что она вот-вот развалится. Когда мы вырвались из этого ада, я оглянулся назад и увидел страшную картину: немецкие самолёты улетали, а город пылал. Хозяин осмотрел коня, проверил телегу, и мы поехали дальше. Женщина плакала, прижимала к себе девочку и причитала: «Гэта ты нас спасла! Бог дзятеи ня убивае». Дальнейшая езда проходила как в полудрёме.

Помню, что меня удивляло и возмущало отсутствие в небе наших самолётов, летали только немецкие. Лишь один раз, при выезде из Сморгони, мы видели, как советский истребитель напал на группу немецких бомбардировщиков и поджёг одного. Оставляя за собой шлейф чёрного дыма, он улетел за лес и там взорвался. Я обрадовался, однако радость была недолгой: истребитель вдруг начал падать, но лётчик успел выброситься с парашютом.

Солнце поднялось высоко. На небе — ни тучки. Стало страшно жарко. А я был одет во фланелевую рубашку, длинные штаны, а на ногах были сапоги. Раздеться

я почему-то боялся. Так и ехал, изнывая от жары. Уже было за полдень, когда мы въехали на участок шоссе, с обеих сторон усаженный липами. Липы были старыми, и их тень почти полностью закрывала дорогу. В тени было прохладно. Женщина достала из-под сена небольшой металлический бидон с водой и дала нам всем напиться. Дорога была прямая и просматривалась довольно далеко. На сколько хватал глаз, по всей ширине дороги двигался поток людей: пешком, на подводах, на велосипедах...

Иногда проезжали легковые машины. Они постоянно сигналили, чтобы их пропустили вперёд. И всё это двигалось на Восток. В обратном направлении не ехал никто. Через какое-то время мы увидели, что нам навстречу движется небольшая колонна грузовых автомобилей. Было видно, как люди с левой стороны дороги переходят на правую сторону, чтобы пропустить идущие навстречу машины. Поток беженцев уплотнялся.

Когда до колонны оставалось метров триста, двести, над головой раздался страшный рёв и чуть ли не касаясь верхушек деревьев, пронёсся немецкий самолёт, а через пару секунд, там, где были грузовики, взметнулся чёрно-красный взрыв, раздался страшный грохот, а над головой просвистели осколки.

Я ясно увидел, как над султаном взрыва взлетело колесо от телеги и задняя лошадиная нога. В этот раз, не дожидаясь команды, я спрыгнул с телеги, подбежал к ближайшему дереву и прижался к нему спиной. В этот момент опять над головой раздался рёв и прогремела пулемётная очередь. Я от страха закрыл глаза. Мне показалось, что немец стреляет именно в меня.

Опять раздался взрыв, опять над головой просвистели осколки, ...и стало тихо. Я открыл глаза. Впереди что-то горело, а с дерева, под которым я стоял, падали сбитые листья. На дороге движения не было. Я подбежал к своей телеге и взобрался на неё. Через какое-то время движение возобновилось. Там, где упали бомбы, на обочине дороги горел опрокинутый грузовик, а на один из стоящих на дороге, солдаты грузили то ли раненого, то ли убитого своего товарища.

Уже во второй половине дня мы въехали в какой — то городок. Хозяин остановил подводу у одного из домов, велел взять пальто и идти с ним. Поднимаясь по лестничке в помещение, я успел прочесть на доске у входа: «ОСТРОШИЦКО-ГОРОДОКСКИЙ СОВЕТ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ».

В помещении за столом сидел человек и к нему постоянно подходили люди, о чём-то говорили и уходили. Хозяин тоже с ним очень недолго поговорил и направился к выходу. Проходя мимо меня, он как-то неопределённо махнул рукой и ушел. Я остался сидеть на скамейке. Люди приходили, уходили.

На меня никто не обращал внимания. Уже в конце дня, когда на улице начало темнеть, ко мне подошёл молодой мужчина, спросил, как меня зовут, назвал себя «дядя Ваня» и велел идти с ним. Очень скоро он привёл меня в какой-то дом, зажгёт керосиновую лампу, дал покушать и велел ложиться спать. В доме было очень чисто и уютно. Я разделся и лёг в детскую кровать, на которую мне указал дядя Ваня. Утром он разбудил меня, напоил чаем и сказал, что отведёт к детям,

в санаторий. На тумбочке возле кровати стояла игрушечная заводная птичка и дядя Ваня, проследив мой взгляд, сказал, что я могу её взять на память. По дороге он расспросил меня откуда я, кто мои родители и т. д. Я ему всё подробно рассказал. И тогда он мне посоветовал никому и нигде не рассказывать, что я еврей и что мой отец работал в райкоме партии.

На новом месте я освоился как-то очень быстро. Это был детский туберкулёзный санаторий. Воспитатели были ласковы, с детьми я сошелся сразу, а во время обеда за столом подружился с мальчиком Борей.

Где-то недалеко уже стреляли пушки, и ночевать нас увели в лес, который начинался сразу за спальными корпусами. Ночью началась страшная артиллерийская перестрелка, над нами всю ночь летали снаряды. Некоторые взрывались в лесу, недалеко от нас. Утром началась сильная гроза с ливнем, и мы вернулись в жилые корпуса. Оказалось, что ночью была ранена осколком в руку одна из девочек. Следующую ночь мы провели в погребе, где хранилась картошка.

Я расстелил своё пальто, и мы с Борькой спали, прижавшись друг к другу. А над нами всё грохотало. Утром стало тихо. Я вместе с другими вышел из погреба и увидел группу взрослых людей, в центре которой стоял солдат, с которым они о чём-то разговаривали. Бросились в глаза запыленные сапоги солдата. Я обрадовался: значит наши ещё не ушли.

Подойдя поближе, я посмотрел вверх и вдруг увидел на его каске рисунок орла, держащего в лапах

свастику. Сдержав слёзы, я вернулся в погреб. Немцы заняли Острошицкий городок. Это случилось 25 июня.

Через несколько дней всех детей собрали возле клуба и сказали, что детям, имеющим родителей или близких, проживающих недалеко, разрешается пойти домой. До этого детям выходить за территорию санатория строжайше запрещалось. Мой новый друг Боря предложил мне пойти с ним в Минск, где жила его мама. Я согласился. Вышли утром, было пасмурно и даже прохладно. На мне были сапоги и зимнее пальто (мама заставила одеть). К полудню тучи ушли, стало жарко и страшно хотелось есть.

На пригорке, на обочине дороги мы увидели сидящих и кушающих немецких солдат. Я сказал Боре, что немного знаю еврейский язык, а он похож на немецкий, и предложил подойти к немцам и попросить у них еды. Мы подошли к ним, и я сказал: «Пан, гиб мир а штыкл брейт»¹, на что получил чёткий и поучительный ответ: «Мы жидам ниц не даем!» Мы быстренько ушли. В город вошли во второй половине дня. Я сильно устал и поэтому совершил великую глупость: выбросил в чей-то полисадник своё зимнее пальто, о чём потом очень сожалел. К Бориному дому мы шли по улице Долгобродской.

До войны здесь располагалось множество лечебных учреждений. Теперь эта улица была сплошной руиной. Некоторые из развалин ещё дымились. Смерд стоял невыносимый. Борин дом оказался полностью разрушенным. Боря встретил какого-то мужчину

¹ Пан, дай мне кусочек хлеба (идиш).

и спросил его о своей маме. Мужчина сказал, что она живёт на стадионе. Мы пошли на стадион и там нашли её. Она жила в каком-то шалаше, собранном из досок, жестяных листов и тряпок. Боря и его мама плакали от радости. Меня они приняли в свою семью.

Через какое-то время нас поселили в деревянный домик на берегу реки Свислочь, где кроме нас жила девушка Лида с матерью и медсестра Лиза. Они знали мою историю и относились ко мне доброжелательно. Вскоре я обратил внимание, что на груди и на спине Бориной мамы и Лизы появились круглые жёлтые нашивки, а через некоторое время к нашему дому подъехала телега, Борина мама погрузила на неё свой скарб и нас отвезли в Минское гетто. Лида и тётя Лиза провожали нас. Поселили нас в большой полуподвальной комнате, где уже расположилось много жильцов.

Началась обыденная, «нормальная» жизнь в гетто: немецкие облавы и погромы, полицейские грабежи, убийства ... всё, что теперь известно всем людям. Мне в этих условиях невероятно везло. Я старался никуда не ходить, а если ходил, то чаще всего, вместе с Борей. Получалось так, что я всегда успевал уйти с того места, где происходили убийства. Однажды, не помню по какой причине, я оказался на соседней улице один. Я медленно шёл домой, когда услышал позади себя стрельбу, крики, шум... Я ускорил шаг. Завернул за угол и стал подниматься по переулку к соседней улице, когда услышал за спиной тяжёлый топот ног. Обернувшись, я увидел бегущих за мной нескольких мужчин, они обогнали меня и свернули за угол соседней улицы.

Я побежал за ними. Когда я тоже завернул за угол, то увидел как они взбегают на крыльцо ближайшего дома. Я побежал за ними, тоже желая спрятаться в доме. Но когда подбежал к крыльцу, то услышал как звякнул дверной крючок за закрывшейся дверью.

Мне было понятно, что надо срочно куда-то прятаться, но я не видел куда. И вдруг, я обнаружил, что под крыльцом есть небольшое свободное пространство, вход в которое прикрывал засохший бурьян. Я просто нырнул в этот бурьян и заполз в самый дальний угол. Прошло, наверно не больше минуты, как над моей головой загремели тяжёлые шаги. Затем послышались удары в дверь и громкий крик: «Ад-чынйайте!» Было слышно как выбили дверь, а затем в доме раздались крики и несколько выстрелов. Я лежал не шелохнувшись. Очень хотелось вдавиться в землю.

Через несколько минут над головой опять прогрохотали тяжёлые шаги и спокойный говор, теперь уже на немецком языке. И стало тихо. Подождав немного, я выбрался из своего укрытия и, озираясь, побрёл домой. На улице было совершенно безлюдно и тихо. Лишь из разных мест, издалека, доносились звуки выстрелов. Через несколько минут я был дома. Встретил меня Боря, а тётя Аня сказала: «Я волновалась, сегодня кругом погромы, проводится «АКЦИЯ». Мне и раньше приходилось слышать это слово при разговоре брата и его друзей, но эти разговоры были связаны тогда с изучением какой-то там экономики и я никак не мог привязать его к происходящему.

Иногда тётя Аня брала нас с Борей на работу. Мы выходили из гетто вместе со взрослыми, убирали щебень с тротуаров и выполняли другие грязные работы.

Однажды ночью, когда мы с Борей уже улеглись спать на своей подстилке, у стола собрались взрослые и стали обсуждать происходящее. Из разговора я ясно понял, что всех нас, евреев, рано или поздно, будут убивать. И тогда я предложил Боре бежать из гетто. До сих пор не могу понять, как это он согласился уйти от мамы.

Рано утром, не сказав никому ни слова, мы с Борей беспрепятственно вышли из гетто.

И стали мы беспризорными бродягами. Боря был минчанином и знал, куда и как пройти. Ночевали мы в развалинах, в пустых подвалах, в сараях на окраине города. Питались, чем придётся. В основном это были овощи, ворованные в хозяйских огородах или на рынке. Иногда просили подавание, но редко, потому что это было опасно. Всякие были люди, могли поймать и выдать властям. Больше всего боялись встречи с полицаями, они мгновенно определяли, кто есть кто, и это было для нас смертельно опасно. Прошло совсем немного времени, как мы превратились в грязных, вшивых, покрытых чесоткой оборванцев. Дальше так жить было невозможно. И тогда я предложил Боре идти в сторону Могилёва, на Восток, куда ушла Красная армия. Так мы и поступили.

Уже вечерело, когда возле деревни Тростинец, что в нескольких километрах восточнее Минска, нас застала непогода, и мы решились переночевать в деревне.

Зашли в первую от шоссе хату. Хозяйка дала нам умыться, накормила варёной картошкой с молоком и разрешила переночевать в сарае на сеновале.

А утром нас разбудил хозяин, накормил, посадил на подводу, отвёз в Минск и сдал в горуправу. Здесь две женщины устроили нам серьёзный допрос. Борю допрашивали первым. Потом меня. Я назвал своё настоящее имя, сказал, что до войны жил в Ошмянах, что отец работал на дрожжевом заводе, и, конечно, что я русский. Уже в конце допроса в комнату вошла какая-то женщина и...узнала Борю. Она сказала: «Боря, что ты тут делаешь? Я отведу тебя к маме, она очень обрадуется!» Борю увели. Я потерял единственного близкого мне человека. Меня ещё некоторое время расспрашивали, требовали говорить только правду, спрашивали, не еврей ли я иначе они не смогут найти мою маму...

...На это я ответил, что если назову себя евреем, то они никогда не смогут найти моих родителей.. Наконец допрос прекратился. Меня отвели в соседнюю, пустую комнату, и велели ждать. Я надеялся, что постоянство в ответах, чистая русская речь и не яркая семитская внешность помогут мне избежать самого страшного — возвращения в гетто. Через какое-то время меня посадили на подводу и отвезли в Дроздовский детский дом — бывший пионерский лагерь, находившийся в пяти километрах от Минска.

Дроздовский детский дом

После бродяжничества, жизнь в детдоме казалась раем. Здесь ещё продолжали действовать какие-то порядки пионерского лагеря; утром был подъём, правда, не пионерским горном, а ударами железным стержнем по подвешенному куску рельса; было трёхразовое питание, которое было весьма скромным, но, конечно, значительно лучше, чем во время бродяжничества; были даже школьные занятия (арифметика, белорусский язык, немецкий язык, что-то вроде обществоведения и закон божий), и я чувствовал себя среди своих сверстников равным, но никогда не забывал совета, данного мне дядей Ваней. С учёбой у меня связан такой эпизод.

Я учился в третьем классе. Шёл урок немецкого языка. Учительницу помню аккуратно одетой, в тёмном костюме с белой кофточкой... За партой я сидел рядом со своим другом Генкой Богушем. Он меня рассмешил тем, что показал на ширинку штанов, которую забыл застегнуть, и из которой все было видно. Мне бы хихикнуть и успокоиться, но я рассмеялся вслух. Я прекрасно понимал, что смеяться на уроке нельзя, но никак не мог остановиться. Учительница вызвала меня к доске, но и там я не мог сдержаться, меня трясло, и я ничего не мог с собой поделать. Она велела

прекратить смеяться, но и это не помогло. Ребята сидели и смотрели на меня широко открытыми глазами. Успокоился я лишь тогда, когда она взяла мою руку и несколько раз ударила по ладони деревянной линейкой. Генка сидел бледный. После занятий он мне говорил, что не собирался меня так рассмешить, и боялся, что я могу проговориться, из-за чего я смеялся. Вместе с тем уже явно начали проявляться изменения в отношениях между детьми. Появился культ силы. Наше детское общество начало склоняться к жизни по правилам приклатненного мира и порождало в детских душах грубость, жесткость, цинизм. Мягкость и ласковость стали восприниматься как грех. Резко это проявилось после приезда детей из довоенного детдома.

Дрозды врезались в мою память бесконечными колоннами оборванных, окровавленных, искалеченных советских военнопленных и евреев, бредущих под осенним дождём по шоссе. Все они вливались в открытые ворота концлагеря, расположенного в открытом поле, огороженного колючей проволокой, чтобы зимой превратиться в груды замерзших трупов, разбросанных вдоль забора... Это была наша боль. Иногда пленных вели под усиленной, многочисленной охраной. Охранники били, а иногда и убивали нерасторопных. Но были случаи, когда огромную колонну вели несколько немецких солдат, а впереди колонны шагал советский офицер, при сохраненных воинских знаках различия. Это было непонятно и очень обидно.

Когда, мы, мальчишки подходили к колонне, немцы, чаще всего, не обращали на нас внимания. Более того, они иногда разрешали бросать в колонну картошку, брюкву и другие овощи, которые мы собирали на убранных уже полях. Передавали продукты пленным и взрослые, но это почти всегда были женщины. Мужчины это делать не рисковали.

В это время я умудрился заболеть свинкой (паратитом). Голову мою задрало вверх. Ни опустить её вниз, ни повернуть в сторону было невозможно.

Пару дней я не мог ничего кушать, лишь иногда пил немного клюквенного киселя из глиняного чайничка. Меня положили в инфекционный изолятор. Это был маленький дощатый домик, разделённый на два бокса с отдельными входами с противоположных сторон домика. У каждого входа был свой маленький тамбур. Здесь, в изоляторе, я оказался невольным свидетелем и даже участником одного трагического события. В соседнем боксе лежал мальчик Витя Панфилов, у которого был закадычный друг Витя Горланов. Однажды, уже в стадии выздоровления, после обеда, я пошёл к Панфилову в гости. Дверь была заперта на крючок. Открыл мне её шестилетний братик Вити Горланова, Радик. Как только я вошёл, он опять запер дверь. Меня это немного удивило, но посмотрев в комнату, я сразу всё понял. За столом сидел Панфилов и возился с наганом, который оба Вити нашли возле речки. Я с наганом возиться не стал, (занимался этим уже не раз), а уселся на подоконник раскрытого окна, опустив ноги наружу, и стал наблюдать за дракой птиц на овсяном поле,

которое начиналось прямо под окнами изолятора. В это время мимо меня прошёл Витя Горланов, направляясь в комнату Панфилова, чтобы забрать посуду после обеда. В руках перед собой он нёс тарелки, которые забрал в моей комнате. Я развернулся на подоконнике, стал на кровать, которая стояла под окном, дотянулся до крючка, снял его с петли и легонько толкнул дверь. Она открылась и в проёме появился Горланов. Моё лицо оказалось рядом с его лицом, когда раздался хлопок. Я решил, что это Панфилов стукнул рукой по столу, имитируя выстрел, и собирался вернуться на подоконник, когда увидел, что Горланов наклонился назад и начал падать. Он упал на спину. Тарелки рассыпались. Все молчали. Затем все бросились к лежавшему. Панфилов с криком — «Что я наделал» схватил со стола графин с водой и стал поливать лицо Горланова, Родик стал на коленки и тихо повторял: — «Витя, Витя...»

Я стоял в стороне и смотрел, как из-под головы Вити медленно вытекала кровь и образовалась небольшая красная лужица. Пуля вошла в верхнюю часть лба и вышла через макушку.

Витя Панфилов вернулся к столу, схватил наган, швырнул его зачем-то под матрас, выпрыгнул в окно и убежал в поле. Больше я его не видел. Витю унесли в медпункт. Через день он пришёл в сознание, разговаривал с Родиком, который просто ликовал от радости. А потом началось воспаление, и Витя умер. Родик беспрерывно плакал, на него было страшно смотреть.

Жизнь в детдоме становилась всё хуже и хуже. Земля уже замерзала, а топить печки в корпусе ещё не начинали, не было дров. Кормили всё меньше и меньше. Все мысли сводились к одной: «где найти что-либо покушать». Эта непреходящая мысль преследовала везде и постоянно, практически на протяжении всех трёх лет оккупации. Наверно, поэтому, до сих пор я не позволяю себе оставлять недоеденной пищу в тарелке и равнодушно смотреть на выброшенный кусок хлеба.

В один из осенних дней группу ребят, наверно человек пять или шесть, в том числе и меня, ничего не объяснив, отвезли в Минск. Я понял из разговоров, что нас повезли туда для отдыха и лечения. Пробыли мы там, может быть неделю, может две. Жили в деревянном небольшом доме. Дом был расположен во фруктовом саду. Вся территория сада была окружена глухим кирпичным забором. Где располагался этот дом — не знаю. На улицу нас не выпускали. Помню только, что над нашим двором часто, на очень малой высоте, пролетали огромные грузовые «Юнкерсы». Наверно где-то близко был аэродром.

В помещении было тепло и очень чисто. Но самое главное — хорошо кормили. От чего нас там лечили, не знаю, но часто делали уколы и брали анализ крови. Тут я близко познакомился с мальчиком по имени Эрик. Он был добрейшей души человеком, очень дружеским, старался всем помочь. А кроме того он очень хорошо играл на пианино. Мне запомнилась песенка из какого-то лирического кинофильма, он её часто играл, куплет которой заканчивался словами

«если птицы поют, вот тогда хороша любовь». И ещё он играл «Тарантеллу». Начинал он играть нормально, но через некоторое время у него начинали дёргаться руки, трястись голова, и он прекращал играть. Мальчишки часто его передразнивали, а я его очень жалел и при возможности помогал, чем только мог. Возвращение в детдом я не запомнил, но с Эриком больше почему-то не встречался. Что с ним стало — не знаю.

К концу 1941 года в минских детдомах, значительная часть которых была образована новой властью на базе бывших пионерских лагерей, детских санаториев и довоенных детдомов, содержалось около двух тысяч сирот. Естественно, что среди них могли быть и еврейские дети. С позиций тотального решения еврейского вопроса, задача нацистских властей состояла в том, чтобы в этих детдомах не осталось ни одного ребёнка еврейской национальности. С целью выполнения этой задачи был издан специальный документ — «Распоряжение немецких властей заведующим детскими домами об отделении еврейских детей», в котором говорилось: «Все жидовские дети, по тем или иным причинам попавшие в ваш детский дом, должны быть под вашу личную ответственность из детского дома выделены и переведены в больницу гетто. О наличии в вашем детском доме детей жидовской национальности вам необходимо сообщить в окружной отдел просвещения». Это распоряжение характеризовало присущую немецким властям педантичность, но выполнялось оно в зависимости от гражданской позиции и личного мужества заведующего детским домом.

Выявляла еврейских детей специально созданная комиссия по определению национального происхождения детей. Директор Дроздовского детдома — Беззубенко, добросовестно выполнил распоряжение немецких властей, в результате чего мне пришлось стать объектом его исследования.

Однажды, в начале зимы сорок первого года, когда земля уже замёрзла, а снег ещё не выпал, меня и ещё двух девочек, как и я воспитанниц Дроздовского детского дома, ранним утром посадили на телегу и повезли в Минск, как нам сказали, на комиссию. Девочки оказались сестричками Левиными, приблизительно восьми и пяти лет.

Были они круглолицые, чёрноглазые, с типичной еврейской внешностью. Имён их я не запомнил. В Минске нас завели в одноэтажный деревянный дом и оставили в небольшой комнате. Через какое-то время в комнату вошла женщина и увела сестричек. Прошло совсем немного времени, и женщина пришла за мной. Она провела меня через коридор, подвела к двери в другую комнату и передала какому-то мужчине. Мужчина взял меня за руку, и мы вошли в эту дверь. Это была длинная комната с одним окном в торце с левой стороны. В центре комнаты стоял длинный стол, покрытый зелёной скатертью, а по ту сторону стола сидели люди, взрослые люди, в гражданской одежде и в военных мундирах, мужчины и женщины, человек восемь или десять. Меня охватил страх. До сих пор перед моими глазами встаёт та сюрреалистичная картина: девятилетний мальчик, ростом около

120 сантиметров стоит один перед такими большими, серьёзными дядями и тётями, которые смотрят на него внимательно и настороженно, как на опасного врага... Для чего? За что? Я обманывал себя, задавая эти вопросы, уже прекрасно зная «за что и для чего я здесь». Захотелось спрятаться за чью-нибудь спину, уткнуться в мамин мягкий живот, попросить у кого-то защиты, забиться в какую-либо щель... Щели не было. А защита... к кому здесь можно было обратиться? Так захотелось, чтобы это был сон.

Мужчина за руку подвёл меня к столу. Первый вопрос задала женщина, сидящая слева. Она спросила, как меня зовут и где я жил перед войной. Я ответил, что зовут меня Феликс и перед войной жил в Ошмянах. На вопрос, где работал отец, ответил, что он был рабочим на дрожжевом заводе. Дальше мужчина провожал меня вдоль стола от одного члена комиссии к другому. Задавались различные вопросы, и я на них отвечал почти интуитивно, где правдой, а где нет. Когда кто-то спросил, как звали мою маму, я сказал, что Феня Ивановна, хотя на самом деле её звали Фрида Исааковна, а я знал, что это имя еврейское.

Я начал немного успокаиваться. Но вот передо мной оказался полицейай в чёрной форме. Бросилась в глаза круглая коротко стриженная голова. Первый его вопрос был совершенно неожиданным. Он спросил: «А у синагогу ты хадиу?» Я знал, что такое синагога, хотя ни разу в ней не был. Семья наша не была религиозной. Я ответил вопросом на вопрос: «А что такое синагога?» Тогда он спросил, как меня зовут. Я ответил: «Феликс».

«А якая у тябе фамилия?» Я ответил: «Сорин». Он немного подумал и, обращаясь к своему соседу за столом то ли с утверждением, то ли с вопросом сказал: «Сорын, на «Ы Н» канчаеца, мабуть жидоуская фамилия». Я заволновался. В это время сосед, обернувшись к полицаяу, спокойно и очень уверенно сказал, что Сорин — это русская фамилия, что у Чехова (он назвал произведение) есть персонаж Сорин, помещик, дворянин, а в России дворянами евреи быть не могли. А затем, немного повысив голос, чётко произнёс: «Сорин — это чисто русская фамилия». После этих слов я как-то воспрял духом, я почувствовал человеческую поддержку, и мне подумалось, что всё ещё может кончиться хорошо.

Я понятия не имел, кто этот человек, так неожиданно защитивший меня, вселивший в меня надежду. Запомнились лишь какие-то своеобразные, светящиеся из глубины, ласковые глаза. (Спустя много лет мне стало известно его имя – Орлов Василий Семенович). А в это время над перегородкой, что отделяла комнату от коридора, (перегородка не доходила до потолка) появилась белобрысая детская рожица и заявила: «Он не еврей, он русский, мы Филю знаем!» Рожица исчезла, а за стенкой слышались детские голоса. В этом эпизоде больше всего меня почему-то поразило не то, что кто-то осмелился встать на мою защиту, а то, что этот мальчик назвал меня моим «домашним» именем, которое мало кому было известно.

О чём-то, через находившегося постоянно возле меня переводчика, спросил офицер в жёлтой форме с красной нарукавной повязкой со свастикой, но я не помню о чём. Офицер в серой форме вообще вопросов

не задавал. Было ещё несколько вопросов, но они меня уже не очень волновали, мне стало как-то легко, появилось чувство, что перейдён какой-то рубеж. Вопросы кончились. Тогда из-за стола встал худой, невысокого роста мужчина, взял меня за руку, отвёл в дальний от стола угол и велел снять штаны. Я сбросил шлейки, опустил штанишки и показал ему то, что он требовал. Музыка прозвучало, адресованное «высокой» комиссии, короткое слово — «никс». Я облегчённо вздохнул. Далее тот же мужчина велел мне пройти к небольшому столику, стоявшему отдельно, у дальней стенки. Окно находилось далеко, и возле стола стоял полумрак. За столом, склонившись сидела женщина и что-то писала в лежавшей перед ней тетради. Я подошёл к столу и остановился, ожидая, когда она обратит на меня внимание. Женщина подняла голову, и я увидел её лицо. Мы встретились взглядом и... у меня зазвенело в ушах и ноги вдруг стали ватными.

За столом сидела Лида, та Лида, с которой мы жили в одном доме, и которая подсаживала меня на телегу, увозившую нас с Борей в гетто. Я её сразу узнал, а узнала ли она меня? А если узнала... Ведь она работает у немцев... Лида о чём-то спрашивала, я ей что-то отвечал... Когда меня выводили из комнаты, я увидел сидящих на стульях сестричек Левиных. Что было потом, я не помню. Пришёл в себя в детдомовском медицинском изоляторе. Через окно был виден двор, покрытый глубоким, пушистым снегом. Потом мне друзья рассказали, что по возвращению в детский дом, я несколько дней не мог разговаривать.

Комиссия сделала своё дело. Обнаруженные комиссией в детдомах еврейские дети были отправлены в гетто, где потом, в большинстве, погибли. Это событие описано в одном из архивных документов: «2марта 1942 года дети детского дома были вывезены на расстрел. В тот же день были зверски убиты и порублены 67 детей детского изолятора...». Наступила зима 1941 года. Стало холодно и голодно. Прошло то время, когда кормили три раза в день, а обед был из двух, а иногда из трёх блюд. И если осенью, живя впроголодь можно было подкормиться оставленными на полях картошкой, брюквой, свёклой, то теперь и эта возможность пропала.

Всё было покрыто толстым слоем снега. Кормить стали отвратительно. Завтрак, как правило, состоял из так называемого кофе (не знаю, из чего его готовили), заправленного каплей сахарина и ста граммов хлеба (если можно назвать хлебом что-то черное липкое, напоминающее больше кусок густой каши, наполненной остюгами). В обед — тот же кусочек хлеба и суп, в котором плавало несколько кусочков картошки, а иногда и немного перловой или пшенной крупы. Но и то, что давали в столовой, не всегда удавалось съесть.

Первыми в столовую врывались старшие, более сильные мальчишки (как правило, это были ребята, прибывшие в Дроздовский детдом из какого-то довоенного детдома) и, пробегая между столов, выгребали рукой картошку, так что нам, меньшим, приходилось довольствоваться одной водичкой. Иногда на обед давали щи из капусты, в которых плавали редкие

глазки какого-то жира или — затирку (заваренная в воде мука).

В одном из документов Белорусского архива говорится, что комиссией Минского района, проверявшей состояние воспитательной работы Дроздовского детского дома в мае 1942 года установлено: *«..в Дроздах «воспитывалось» 64 ребёнка младшего школьного возраста. Одеждой, бельём и обувью дети практически не были обеспечены. Фактически состояние детей настолько угнетенное от голода и холода, что проводить какую-нибудь настоящую работу с ними невозможно.*

И сейчас имеются дети со следами голодных отёков и отмороженными частями ног. Одежда и обувь детей порваны, прикрепляются проволокой, тряпками, без пуговиц... Один внешний вид детей мог взволновать душу дикаря, а не воспитателя»..

«Физическое состояние детей во время перехода детдома в ведение районной управы было почти смертельным». (Нац. Архив РБ, Ф.393, оп. 1, д. 71, л. 58).

Акт состояния учебно-воспитательной работы по Дроздовскому детскому дому составил инспектор детдомов Минского р-на И. Коньков, 2 мая 1942 года.

Жизнь стала угрюмая, пасмурная. Никаких занятий, никаких развлечений, без мимолётных просветов. Немного уютней было, только общаясь с товарищами по палате, в которой оказались мальчишки приблизительно одинакового уровня развития... Тёмными, (освещения не было) холодными (до середины зимы печи не топили, не было дров) вечерами собирались на одну или две кровати, прижимались друг к другу, укрыва-

лись одеялами и начинали рассказывать друг другу события из довоенной жизни, сказки, были и небылицы. А у меня был их некоторый запас: так «Дядю Стёпу» я знал наизусть, «Волшебник изумрудного города», «Три поросенка», некоторые из сказок братьев Гримм почти наизусть. Особенно нравился ребятам «Всадник без головы». Рассказывая их, я приобретал благодарность и уважение у моих товарищей. Это часто выручало, когда кто-то собирался меня обидеть. Часто на такие посиделки нас приглашала в корпус для девочек наша любимая воспитательница Валентина Ивановна. Она нам рассказывала «Ночь перед Рождеством», «Вий» и другие сказки, а иногда пела песни.

Кроме голода и холода всех нас донимали вши. Они кишели во всех швах одежды и в волосах. Боролись с ними по разному: соскребали из швов заострённой щепкой; выносили и выдерживали нижнее бельё на морозе, а потом били его об ствол дерева или об угол дома, но самым успешным считался метод выжигания. Иногда для борьбы с ними в детдом приезжала вошебойка, в которой при высокой температуре прожаривалась вся наша одежда. Во время проведения этой операции дети мылись в бане, и однажды, выйдя из бани в раздевалку, я обнаружил, что у меня украли сапоги. Воспитатели пытались их искать, но безуспешно. Это была трагедия. Мне дали какие-то галоши и два куса простыни для портянок. Галоши были велики, и их приходилось подвязывать проволокой. В этой обуви, я проходил до лета 1942 года.

Для добычи хоть какой-нибудь дополнительной пи-

щи, использовались самые различные способы. Одним из них был поход за подаянием. Наиболее сильные и предприимчивые детдомовцы начали совершать походы в близлежащие сёла просить милостыню — «ходить на деревню» (жабравать). Официально покидать территорию детдома было запрещено, но никто не пытался жёстко пресекать эти походы. Все понимали, что лишь тяжёлый голод заставляет детей идти просить милостыню.

Как-то незадолго до Нового 1942 года среди ребят пошли разговоры о том, что в Рождество крестьяне очень щедры на подарки детям. Воодушевлённые этим известием группа ребят, человек пять или шесть, ранее не ходивших на «жабровку», в том числе и я, решили отведать счастья.

Была пасмурная, тёплая погода, большими хлопьями очень медленно падал снег. Шли, разговаривая о всякой всячине. Проходя мимо бывшего лагеря военнопленных, я обратил внимание на бурелом, засыпанный снегом и сказал, что на обратном пути хорошо бы прихватить в детдом этих дров, на что один из мальчиков пробурчал: «Дрова, дрова... якия гэта дрова. Гэта мертьвяки». Дальше шли молча. Когда прошли небольшой лесок, — разделились на группы, чтобы не мешать друг другу. Я оказался в паре с моим другом Геной Богущем. Он был немного больше меня, и это меня успокаивало. Не помню, сколько мы прошли с ним, когда заметили, что небо стало чистым, резко похолодало, а солнце начало клониться к закату. Улов у нас был хороший: несколько кусков хлеба, пара десятков кар-

тошки, несколько бураков... и даже небольшой кусочек сала на двоих. Кроме того, мы были сыты. Поэтому решили срочно возвращаться домой. Шли быстро.

Через какое то время потемнело, и взошла луна. Кругом сверкал снег. Было очень тихо. Уже подошли к «Черепичке» (место, где когда-то располагался черепичный завод; ходили слухи, что в оставшихся там глиняных карьерах, осенью расстреливали военнопленных и евреев), когда услышали впереди слева какие-то звуки.

Мы сошли с дороги и посмотрели вниз. Там, на белом снегу, чернела какая-то полоса, а возле неё толпились люди. Слышался какой-то ропот и плач. Мы испугались, собрались убегать, но в этот момент на косогоре, чуть впереди и ниже нас, загрохотал пулемёт. Мы, как по команде, упали в снег. Снизу послышались крики и плач. Пулемёт грохотал очень громко, и мы лежали в снегу, боясь шелохнуться. Сколько это продолжалось, не знаю. Когда встали из снега, кругом опять была тишина, светила луна и сверкал снег. В детдом пришли поздно. Как распорядились нашей добычей, не помню.

Больше жабравать я не ходил.

А через какое-то время я заболел. Болел бок и были обморожены ноги. Ноги у меня довольно быстро поправились. А вот у товарища моего, Марата Кузнецова, через какое то время половина пальцев на ногах почернела, концы пальцев стали как угольки и отвалились. Прележал я в изоляторе недели две. Очень не хотелось оттуда уходить. Здесь было тепло и была возможность скушать то, что тебе положено. В общей столовой нередко старшие, более сильные детдомовцы, могли

и ограбить. В течение зимы ни немцы, ни полицаи в детдоме не появлялись. А к началу весны приезжали инспекторы из Минска, иногда приезжали немцы. Как-то меня подозвала к себе наша воспитательница Валентина Ивановна (её любили все детдомовцы, а ко мне она относилась почему-то с особым вниманием) и сказала: знаешь Лиска (так она меня ласково называла), может быть тебе лучше недельку пожить в изоляторе, пока к нам ездят всякие «гости»? Конечно, я согласился с большим удовольствием. В изоляторе я опять встретился с Маратом, ноги у него ещё не зажили.

Наступила весна. Можно было погреться на солнышке. С полей сошёл снег и на поверхность земли вылезли не убранные с осени перезимовавшие в земле клубни картофеля. Это были чёрные, сморщенные комочки, которые были невероятно вкусные, если их на какой-либо жестянке прожарить на огне.

Детский дом «Острошицкий городок»

Поздней весной 1942 года всех детей из Дроздов перевели в Острошицкий городок, в детский дом, организованный в бывшем до войны детском туберкулёзном санатории. Здесь условия жизни были несколько лучше, чем в Дроздах. В детдоме было своё подсобное хозяйство. Дети ежедневно были заняты сельскохозяйственными и другими работами. Основное хозяйство находилось за озером. Там выращивалась картошка, брюква, турнепс, овёс, ячмень... Был хлев для нескольких свиней и сарай для двух коров. Кроме того, был ток, куда осенью складывали снопы скошенного урожая, которые молотили зимой. Летом на хозяйство перебирались на лодке (на ней каждый день дежурили два детдомовца. На ночь её привязывали к причалу цепью), а зимой — по льду.

Собранный осенью урожай давал возможность перезимовать. Зимой работы было меньше и нам разрешали ходить в городок. Моя жизнь мало чем отличалась от жизни остальных детей, если не считать того, что всегда и везде надо было быть настороже, чтобы не выдать своей национальности. Я, как и многие другие дети, нашёл себе подработку. В городке, в бывшей школе,

жили немецкие солдаты и один из них попросил меня помогать ему по хозяйству. Я приносил в комнату дрова, воду, топил печку, подметал и выполнял другие мелкие работы. В комнате жили четыре солдата. Ко мне они относились нормально, не обижали. За работу они мне давали горбушки хлеба и то, что оставалось у них от обеда. На работу я всегда ходил с котелком. На территорию школы вход был по аусвайсам², но у нас, детей, никто его не требовал. Во двор школы можно было войти либо через ворота, где всегда стояли два часовых, либо через дыру в заборе из колючей проволоки. Я, обычно, ходил через дыру: не хотелось лишний раз встречаться с часовыми, да и дорога получалась немного короче.

Однажды, придя в школу и поднявшись на второй этаж, я услышал какой-то шум и увидел, как из-за угла вышел местный фельдфебель и с ним два солдата. Фельдфебель, как всегда, был в чёрной форме и до блеска начищенных сапогах. Он что-то кричал и размахивал руками. Я остановился, чтобы остаться в сторонке и дать ему пройти, но он меня заметил и с криком «аусвайс», направился ко мне. Я попытался объяснить, что у нас аусвайс не требуют, но не успел. Мощная оплеуха отбросила меня к лестнице. Здесь я споткнулся и куборем скатился на среднюю площадку, там каким-то образом встал на ноги и скатился к выходной двери. Выскочив на крыльцо, я задумался: "куда бежать"? По тропинке прямо и через дырку в проволоке? Но кругом немцы, что они подумают... да ко всему, в дырке мож-

² По пропускам (немецкий).

но застрять. Это опасно. Я побежал к воротам. Была оттепель и дорога, разбитая транспортом, была сплошной грязной лужей из земли, конского навоза и талого снега. Подбегая к воротам, я увидел дежуривших немцев. Они узнали меня и улыбались. Когда я поровнялся с воротами, один из них так врезал мне сапогом под зад, что меня подняло в воздух, и я, как лягушонок, пролетев в воздухе, плюхнулся в дорожную жижу лицом. А под жижей был лёд. Как добрался домой, не помню. Помню как дома мне кто-то помогал снимать грязную одежду и умываться. Лицо было всё исцарапано, но больше всего болело ухо. Из него сочилась кровь.

Жизнь проходила однообразно и уныло. Если не было работы, каждый занимался, чем только мог.

Весной 1943 года вдруг засуетились наши воспитатели. Нам объявили, что будем готовиться к какому-то фестивалю в Минске. Подобрали две группы участников художественной самодеятельности: хоровая и спортивная, для демонстрации спортивно-гимнастических пирамид. Меня включили и в хоровую и в спортивную группу, а так как я был самым маленьким и лёгким, то назначили меня самым верхним, «наконечником». Руководил подготовкой физрук Завацкий, жёсткий, злой человек. Многие ребята испытали на себе его тяжёлую руку. За несколько дней до выступления, Завацкий меня предупредил, что забравшись на вершину пирамиды, я должен буду поднять руку и выкрикнуть «хай Гитлер!». Я попробовал отказаться, сказал, что боюсь высоты, но он пригрозил, что искалечит меня,

если я откажусь. Я поделился этой бедой с моим товарищем Маратом. Он мне посоветовал просто промолчать. В Минск нас повезли на автобусе. Фестиваль проходил в каком-то парке. Пирамиду мы строили на покрытом травой пригорке. Поднявшись наверх, я увидел внизу довольно большую толпу военных и гражданских людей. Все они, подняв головы, смотрели на нас. Когда я выпрямился, раздались аплодисменты. Многие из офицеров защелкали фотоаппаратами. Постояв несколько секунд в позиции «руки по швам», я начал спускаться. И только тут я понял, что меня ждёт внизу. Ведь там был Завацкий... Но когда я спустился на землю, Завацкого нигде не было видно.

Возможно, он ушёл под недалеко расположенный деревянный навес, под которым были расставлены столы с выпивкой и закуской. Меня это мало успокаивало. Просто экзекуция немного сместилась по времени. Когда возвращались домой, Завацкий подозрительно не обращал на меня никакого внимания, и это заставляло меня думать, что будет он разбираться со мною дома по-серьёзному. Однако, когда вернулись домой, тоже ничего не случилось. Я рассказал о случившемся своему товарищу Марату, он, как и я, считал, что мне просто крупно повезло.

Летом всех мальчиков из спального корпуса переселили жить в клуб. В корпусе поселились немецкие солдаты. Они приезжали сюда после госпиталей, отдыхали, тренировались, а через какое-то время уезжали и на их место приезжали другие.

Со временем, при этом доме отдыха была организована столярная мастерская, и меня определили в неё подсобным рабочим, в связи с чем я был освобождён от сельскохозяйственных работ. Была у меня в это время ещё одна постоянная обязанность — уход за двумя детдомовскими собаками, овчаркой Миртой и дворнягой Бобиком. Бобик был молод и глуп, а кроме того агрессивен, поэтому круглые сутки сидел на цепи. Мирта — мощная овчарка, умная и очень добрая... Иногда, в свободное время, мы с ней гуляли по лесу. Однажды, когда мы шли по своей любимой тропинке, нам навстречу из-за поворота вышел немецкий офицер. Одной рукой он держал за локоть девушку, а второй вел на поводке собаку. Собака была высокая, на тонких ногах, серой масти, со стоячими ушами и тупой мордой. Увидев друг друга, мы все остановились. Я взял Мирту за ошейник и собрался уйти с ней с тропинки в лес, чтобы освободить дорогу встречным, но в этот момент я увидел, что немец отпустил собаку с поводка. Я замер на месте. Собака огромными прыжками неслась к нам. У Мирты на загривке поднялась шерсть, а когда собака подскочила совсем близко, Мирта негромко зарычала. Я думал, что они сейчас начнут грызть друг друга, но случилось неожиданное: не прошло и секунды, как огромный пес лежал на спине раскинув лапы и помахивая хвостом, а над ним стояла Мирта и тихонько рычала... Я стоял окаменевший от страха, когда увидел, что к нам почти бегом несется офицер, и я подумал, что он непременно застрелит Мирту. Я неотрывно смотрел на его руку, не тянется ли она к пистолету. Но ничего

не случилось. Офицер наклонился к собаке, взял ее на поводок и ушел к девушке. Мы с Миртой развернулись и пошли домой. Гулять уже не хотелось.

Столярная мастерская располагалась в нижнем корпусе. Столярничал в ней немолодой немецкий солдат. Был он высок ростом, худощав, с большими, мозолистыми руками. Звали его Ганс, и ко мне он относился неплохо. У него я приобрёл некоторые навыки столяра. Одновременно он научил меня курить. Однажды, когда не было работы, Ганс предложил показать мне, как он умеет пускать дым из ушей. Я сел на табуретку напротив него, и он велел мне положить руки ему на колени и смотреть на его уши. Я выполнил, что он велел, он затянулся сигаретным дымом, а я с вниманием уставился на его уши, ожидая появления дыма, как вдруг страшная боль резанула мою левую руку, пока я пялился на его уши, Ганс прижал к моей руке горящую сигарету. Было очень больно. А Ганс хохотал.

Однажды, придя после обеда в мастерскую, я обнаружил, что она закрыта. Рядом, на берегу озера, находился маленький деревянный причал, к которому была привязана лодка. Я забрался в лодку и с удовольствием стал наблюдать за стайками мальков, плавающих рядом с ней. После обеда настроение было хорошее, пригревало солнышко, я ни о чём не думал... как вдруг над головой раздался рычащий голос Завацкого: «Ты што тут гуляеш? Чаму ни на работе? Ничога, мы да вас жидянят ящэ дабярэмся!» И удалился на своих кривых ногах. Последнее время я стал забывать, в каком положении нахожусь, и вот Завацкий мне напомнил,

кто я есть. Опять появился страх. Я стал более бдительным и принимал все меры, чтобы не встречаться с этим мерзавцем.

Весной 1943 года к нам в детдом стал наведываться рейхс — комиссар Белоруссии Кубэ. Как правило, приезжал он не один, а с каким-то офицером по фамилии Гартман.

Приезжали они, как было известно, для проверки работ по строительству дачи на берегу озера, недалеко от детдома. Завидев, что они приехали, я обычно куда-нибудь убегал. Кубэ, почему-то, у меня страха не вызывал, а вот Гартмана я боялся, как огня. Говорили, что он, проезжая на шоссе встретил группу цыган, застрелил их, заявив, что это партизаны. Я боялся, что он опознает меня.

Как-то во время обеда я увидел, как в дверь столовой вошёл Кубэ и за ним Гартман. Первым желанием было — вскочить и убежать, но сообразил, что на меня сразу обратят внимание, и остался сидеть. Они прошли между столами параллельного ряда и пошли по нашему ряду. Я спиной ощущал, как они приближаются и вдруг почувствовал, как кто-то погладил меня по голове и потрепал по затылку. Я сидел, ни жив, ни мёртв. Скосив глаза, я увидел, что это был Кубэ. Как только они вышли, я стрелой вылетел из столовой, но не через входную дверь, а через кухню и убежал в корпус. Через несколько минут я увидел, как по крыльцу в корпус поднимаются Кубэ с Гартманом. Я выпрыгнул в окно и убежал в лес, где просидел до вечера.

Были у нас в детдоме две подружки — Капа и Галя. У обеих отцы были командирами Красной армии. Обе потеряли своих родителей в первые дни войны. Они были старше меня года на три или четыре. С одной из них — Капой, мы были большими друзьями. Она как могла опекала меня, и я беспредельно был ей за это благодарен. Я знал, что Галя — еврейка и что обе эти девочки и ещё один мальчик, Витя Гудыно, имеют связь с партизанами. Меня к этим их делам они не подпускали. Говорили — «мал ещё».

В одном из жилых корпусов нашего детдома проживали немцы, поправлявшие своё здоровье после госпиталей. Для приготовления пищи, они использовали детдомовскую кухню. Однажды зимой 43-44 года мы небольшой группой возвращались домой с подсобного нашего хозяйства, где молотили рожь. Поднимаясь на горку к столовой, мы увидели движущуюся нам навстречу необычную группу людей. Первыми шли немецкий офицер и директор нашего детдома Генералов, за ними два или три жандарма, с бляхами на груди (очень плохое предзнаменование), а за ними, начальник местной полиции (Короневский, если мне не изменяет память) и несколько полицаев.

Подойдя к столовой, Генералов, офицер и двое жандармов, по крыльцу поднялись на кухню. Мы стояли в стороне и со страхом наблюдали за происходящим. Через несколько минут на крыльцо вышли Капа и Галя в сопровождении жандармов, а за ними — Генералов и офицер. Девочек увели. Мы стояли потрясённые. Подружек обвинили в том, что по поручению партизан,

они всыпали отраву в немецкий котёл. Через несколько дней две наши воспитательницы ездили в Минск по вызову гестапо, где находились Капа и Галя. У них была встреча. Вернулись воспитательницы очень печальными. Я спросил одну из них про Капу. Она сказала мне, что девочек сильно избили и что их отправят в Германию.

В один из майских дней 1944 года после завтрака всех детей построили, и директор детдома Генералов торжественным тоном объявил, что наш детдом переводится в Минск. Там лучше кормят и лучше условия жизни. Первыми туда поедут старшие ребята, кому уже исполнилось 12 лет, чтобы привести всё в порядок на новом месте, а затем, завтра или послезавтра привезут и остальных. У ворот детдома возле нижнего корпуса уже стоял большой автобус.

Мы с моим другом Геной Богушем усадились рядышком одними из первых. В автобусе уже находилась одна из воспитательниц. В ожидании отправки у меня вдруг возникла интересная мысль, которой я тут же поделился с Геной: «Что, если я сейчас не поеду, останусь в детдоме, наберу в подвале картошки (добро, там работал дядька Лявон, который меня очень жалел), испеку её в лесу и завтра или послезавтра приеду с оставшимися ребятами»? Гене эта мысль очень понравилась.

Когда сидевшая у выхода воспитательница спросила меня, куда это я собрался, я ей объяснил, что мне нужно рассказать дядьке Лявону, где находятся собачьи принадлежности и попросить его поухаживать

за собаками. Воспитательницу мои доводы убедили. Я вышел из автобуса и немедленно приступил к реализации своих планов. Настроение было хорошее. Первым делом я пошёл искать дядьку Лявона.

Занимаясь своими делами, я не видел, как отъехал автобус, постоянно думая о том, как завтра или послезавтра будем кушать с Генкой печёную картошку. А вечером вернулись сопровождавшие ребят воспитатели и привезли страшную вестъ: в Минске ребят привезли на товарную железнодорожную станцию, затолкали в товарный вагон и увезли в Германию. Так, совершенно случайно, я избежал отправки в Германию, но потерял своего лучшего друга Гену Богуша.

И снова Минск

Через несколько дней оставшихся детей и меня, в том числе, из Острошицкого городка перевезли в Минск, в детдом номер 4, который располагался на улице Розы Люксембург, недалеко от еврейского кладбища, что вызвало у меня мрачные воспоминания. Конечно, никаких лучших условий жизни здесь не ощущалось. Наоборот: всё было незнакомым, непонятным и враждебным.

Через несколько дней в детдоме появился Коля Вовно, один из угнанных. Он и еще несколько мальчиков умудрились сбежать из лагеря, расположенного где-то возле Барановичей. Он остался в детдоме и мы с ним скоро подружились. Попробовал я, было, подработать в качестве уличного чистильщика сапог, но, услышав от ребят рассказ о мальчишке, который, чистя сапоги офицеру, плюнул на щётку, чтобы придать больше блеска сапогам, лишился передних зубов, отказался от этой затеи...

Какое-то время я продавал на вокзале газеты и журналы проезжающим немецким солдатам, но скоро от этого отказался: на вокзале было много жандармов и полицейев, проводились облавы. В последние дни июня, в городе начали ощущаться какие-то необычные события:

усилилось движение военного транспорта; участились бомбежки города, особенно железнодорожной станции; на запад ехало много гужевого транспорта. Однажды на площади перед Домом правительства остановилась на отдых какая-то власовская часть, и я случайно услышал разговор двух власовцев: один сказал: «Надо идти к своим», а второй сказал: «куда идти, они ведь нашего брата в плен не берут». На меня этот разговор произвел ошеломляющее впечатление. А первого и второго июля по городу сплошным потоком пошли убегающие немецкие войска.

Вспомнился июнь 1941 года, но тогда был бег в обратном направлении. По улице Советской, мимо дома Правительства, мимо костела двигался непрерывный поток машин, подвод и пеших немцев. Запомнился солдат в куртке, с винтовкой на плече, у которого вместо штанов была одета деревенская клетчатая цветная юбка. Второго июля никто из работников детдома на работу не вышел, а вечером пришла одна из воспитательниц, велела теплее одеться и увела нас на еврейское кладбище. Город пылал. Немцы, уходя, сжигали и разрушали всё, что ещё не было уничтожено раньше.

Мы, кто как мог, разместились группками между надгробьями. На фоне зарева четко выделялся черный силуэт Дома правительства и стоящего рядом с ним костёла. Я смотрел на эту картину и был совершенно уверен, что в следующую минуту увижу, как Дом правительства взлетит в воздух. Пару дней тому назад, я видел, как в подвалы дома загружали много

авиационных бомб. Но взрыва не произошло. Позже говорили, что взрыв предотвратили партизаны. Где-то за полночь через кладбище прошла какая-то группа немцев. Мы все притаились как мыши за памятниками, дрожа от страха.

Утром мы с мальчиком Димой, по кличке «Немчик», пошли в город с надеждой найти что-нибудь покушать. Когда вышли на Немиговскую улицу, (мы взяли курс к фабрике-кухне) по ней на бешеной скорости промчался мотоциклист в чёрном комбинезоне, потом ещё один. В это время мы увидели группу людей, спускающихся по горке со стороны фабрики-кухни. В центре группы шли два человека с автоматами на груди. На их пилотках сверкали красные звёздочки... Сердце заколотилось от радости. Почему-то захотелось прыгать и плакать. Просто не верилось, что такое могло случиться. Я, правда, несколько удивился и смутился, когда увидел на плечах солдат погоны, но это скоро прояснилось. В это время снизу послышался грохот: по Немиговской улице мчались наши зелёные танки.

Мы побежали к Дому правительства. Там собралось много народа. Все смотрели на трибуну, где до войны стоял памятник Ленину, и чего-то ждали. Вдруг по толпе прошёл какой-то ропот, послышались отдельные возгласы: «немцы, немцы»... Все смотрели вверх, на Дом правительства. По карнизу крыши, к центру здания быстро двигались два человека. Рядом со мной стоял солдат со снайперской винтовкой. Он снял её с плеча, передёрнул затвор и прицелился в сторону неизвестных. Через секунду он сказал: «Свои!» Двое

на крыше подошли к висевшему на здании большому фанерному кругу с изображением свастики и сбросили его вниз. Раздался радостный гул и сбитая свастика.

Мы пошли дальше бродить по городу. Настроение было прекрасное. Хотелось летать. По дороге домой решили заглянуть в здание, где было СД. Вошли в коридор и увидели открытую дверь в одну из комнат. Комната была пуста, только один ее угол был завален детской одеждой, а другой — детской обувью. Я знал происхождение этих вещей, думаю, что мой товарищ — тоже. Молча, не говоря ни слова, вышли на улицу. Было тепло, светило солнце и это было счастье. Когда вернулись в детдом, то стало ещё веселее: во дворе стояла военная кухня, и солдат большим черпаком разливал подходившим ребятам в миски густой борщ. Мне кажется, что такого вкусного борща я отродясь не кушал.

Под вечер к нам пришли два молодых офицера. Они выглядели очень красиво в чистых отглаженных мундирах, при орденах. Мы любовались ими. Они беседовали в отдельности с каждым из нас и иногда наши ответы записывали в тетрадки. Из беседы со мной они отметили рассказ о Генералове, директоре детдома в Острашицком городке, который служил в ГЕСТАПО и о Завацком — мерзавце и предателе. Спрашивали всё и обо всех. Прожили они у нас два дня. Когда они ушли, в детдом пришли две женщины и как они сказали, всех нас «перерегистрировали». Я рассказал всё о себе, и то что я еврей, и то что отец работал в райкоме партии. Женщина спросила меня:

«Может быть национальность оставим русскую?» Я сказал, что запишем евреем, иначе я не смогу найти своих родителей.

Ночью прилетели немцы. Бомбили весь город без разбора. Над городом была установлена дымовая завеса. Бомбили почему-то маленькими, противопехотными бомбами, ими буквально засыпали город. Мы, напялив на головы подушки, (защита от падающих зенитных осколков), как всегда во время бомбёжек, убежали в вырытую во дворе щель. Утром мы небольшой группой пошли купаться на речку Свислочь.

Возвращаясь домой, мы проходили мимо остановившейся на отдых большой колонны пленных немцев. Это были уставшие, оборванные, грязные люди, совсем не похожие на немцев сорок первого года. Я проходил близко около сидящего немца и вдруг услышал, что он просит дать ему покурить. А я шёл и курил самокрутку из табака, собранного из немецких окурков. Это был совсем молоденький солдат с окровавленной повязкой на голове. Не знаю, как это получилось, но я протянул ему свою недокуренную «цыгарку» и, не оглядываясь, пошёл дальше.

Вскоре мы уже были дома. Я обратил внимание на мальчишку, который сидел на подоконнике первого этажа и болтал ножками, обутыми в сандалии. Этого мальчика привели к нам в детдом минувшим днём. Как нам рассказали, этот мальчик, еврей, всю оккупацию провёл в подземельи. В день освобождения его мама погибла и его привели к нам в детдом. Разглядывая его, я вдруг услышал впереди крик: «Стой,

не бросай!» Это кричали мои товарищи. На деревянном тротуаре, недалеко от окна где сидел мальчик, стоял наш детдомовец, из старших, и держал в поднятой руке, сброшенную ночью, но не разорвавшуюся бомбу. Таких много валялось по городу. Он не послушал крика и бросил её на тротуар. Но она не взорвалась. Тогда он нагнулся, поднял её, и снова бросил. Раздался взрыв. Бросавший и ещё один мальчик, из моих товарищей, упали. Они оба были ранены осколками в плечи и в ноги. Их очень быстро увезли в больницу. А вскоре в комнате, на первом этаже, нашли мальчика, сидевшего на подоконнике. Он был мёртв. Маленький осколок попал ему в бровь.

Через несколько дней группу детей в том числе меня и моего товарища по Острошицкому городку — Колю Вовно, перевели в спецдетдом № 12, который создали для детей военнослужащих, партийных и советских работников, потерявших родителей во время войны.

Двенадцатый детдом размещался на Грушевском посёлке в двухэтажном кирпичном здании. Жилые комнаты были уютные, питание, по тем временам, хорошее. Воспитатели и персонал относились к нам, детям, по доброму. Для меня же самым главным было то, что пропало постоянное чувство висящей над тобой опасности разоблачения. Появилась какая-то уверенность в завтрашнем дне.

Летом в Минске состоялась внеочередная сессия Верховного совета Белоруссии. Коллективу нашего детдома была оказана честь приветствовать открытие этой сессии. Был литмонтаж, стихи, хор и танцы. Мы с Колей

Вовно участвовали в этих выступлениях и, конечно, были очень этому рады. Нам выпала честь повидаться и даже разговаривать с такими выдающимися в то время людьми, как секретарь ЦК Белоруссии — Пономаренко, маршалы Советского союза Ворошилов и Буденный, маршал Советского союза Рокоссовский, председатель Совета министров Белоруссии Наталевич и другие. Особенно приятное впечатление осталось у меня от встречи с генералом армии Черняховским.

Это был высокий, стройный мужчина, с чёрными слегка вьющимися волосами и красивым лицом. Он подошёл к нам в антракте и похвалил за хорошее выступление и, не помню, что он такое рассказал, но мы долго после его рассказа смеялись. А потом было цирковое выступление, в котором принимал участие знаменитый советский клоун.

Не помню по какому это поводу он плакал, но помню что слёзы у него били струями метра на два. А когда его спросили, который час, он задрал штанину и мы увидели привязанный к его ноге будильник. Это было невероятно смешно. А если учесть, что в перерыве нас угощали пирожными и ситро, то не трудно понять, какой это для нас был праздник.

Осенью я пошёл в школу, в третий класс. Зимой у меня обнаружили непорядок в лёгких и отправили подлечиться в детский туберкулёзный санаторий... так я в третий раз попал в Острошицкий городок. Жили мы в нижнем корпусе, бывшем медпункте, жилые корпуса были сожжены. Лечился я там целый месяц. А вернувшись домой, уже ближе к весне, заболел корью. Болел довольно тяжело.

Пришла весна 1945 года. Мы уже привыкли к неожиданной ночной орудийной стрельбе (салютам в честь освобождения очередного крупного города) и не бежали, как раньше, с одетыми на голову подушками в находящийся во дворе бункер. Жизнь стала спокойной.

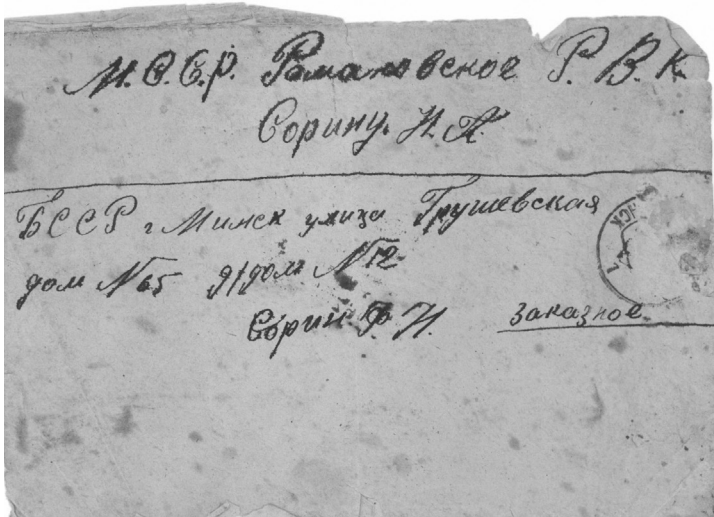
Поиск родителей

Как-то, разговаривая со мной, наша воспитательница Анна Степановна, спросила меня, не пытался ли я искать своих родных. Я сказал, что не пытался, потому что почти полностью был уверен в их гибели. Анна Степановна обняла меня за плечи и сказала: «А ты попробуй». Я написал письма по нескольким адресам: на свой довоенный домашний адрес, на работу отца — Ошмянский райком партии, в Выборгское военно-морское училище, где перед войной учился брат и в Бугурусланский центр по розыску пропавших и эвакуированных во время войны.

Ответ пришёл только из Бугуруслана. В котором говорилось, что никого из перечисленных в запросе лиц у них не числится. Анна Степановна как-то поинтересовалась моими поисками. Я ей рассказал, как обстоят дела и тогда она спросила, кем был мой отец до войны, солдатом или офицером. И я ей рассказал, что в 1938 году, папу не надолго призвали в армию и однажды он приезжал домой в командирской форме, в петлицах у него было три кубика. Анна Степановна посоветовала мне обратиться в НКО (Народный комиссариат обороны), объяснив, что там есть сведения обо всех офицерах Красной армии.

Не надеясь на какой-либо положительный ответ, я написал письмо в НКО. Через некоторое время

пришёл лаконичный ответ: «Сорин Натан Аронович 1900 года рождения в апреле 1944 года находился в распоряжении Одесского военного округа». Я показал этот ответ Анне Степановне и немедленно отправил письмо на имя начальника Одесского военного округа с просьбой прислать мне адрес отца. И начались волнения. Какие только мысли не приходили мне в голову! Ведь с апреля месяца 1944 года прошёл целый год войны. А что такое война, я знал хорошо. Через девять дней пришло письмо, в котором сообщалось, что капитан Сорин Натан Аронович в настоящее время находится по адресу: МССР, Романовский РВК. В тот же день, я написал отцу письмо, боясь верить в своё счастье, и стал с нетерпением ждать ответа.

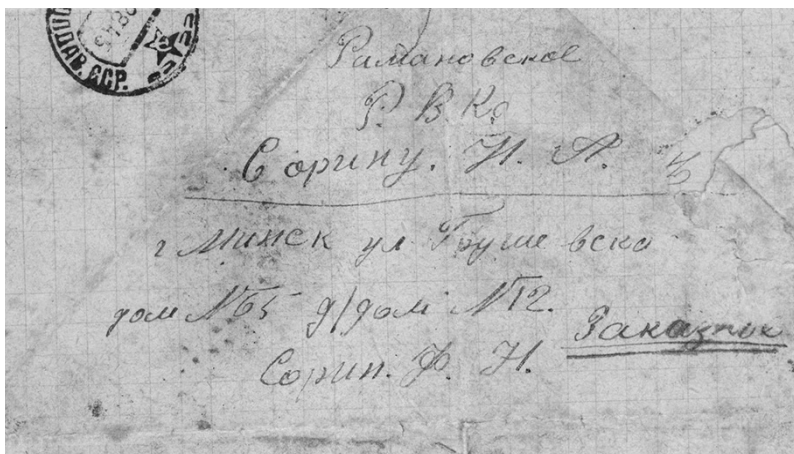
Первое письмо отцу

В это время в детдоме произошло событие, не оставившее равнодушным ни одного детдомовца. Был среди нас мальчик, Марат Гальперин. В 1941 году он с матерью

оказался в Минском гетто. Осенью их повезли в лагерь смерти Тростинец. Мать, зная, что их ожидает, сумела заставить его попробовать бежать. И ему это удалось.

В Минске, под фамилией Калиновский, его как белоруса определили в детдом, где он прожил до освобождения города и, так же как и я оказался в спецдетдоме №12. В один прекрасный день в детдоме появилась незнакомая нам женщина. Видно было, что она сильно возбуждена. Спросив, как пройти к директору, она чуть-ли не бегом заспешила к его кабинету. Через некоторое время по детдому пронёсся невероятный слух: Марата Гальперина нашла тётя и забирает его к себе в Ригу. Но у некоторых ребят в глазах таилась грусть...

У меня это событие вызвало двоякое чувство: с одной стороны я воочию увидел возможность встречи с родными, с другой, я еще больше затосковал из-за отсутствия ответа на моё письмо. Прошло много времени, а ответ не приходил. О чем я только не передумал в эти дни... Тогда, я написал второе письмо.

Второе письмо отцу

И опять ожидание, и опять всякие нехорошие мысли. В описываемое время у многих детей Минска, и у меня, в том числе, процветало хобби — собирание (коллекционирование) песен, особенно песен военной тематики. На этой почве, ещё со времени школьных занятий, у меня появился товарищ, с которым мы обменивались новинками. Имени его я не помню.

Жил он недалеко от Западного моста, не очень далеко от нашего детдома. Он не раз приходил ко мне и я не раз бывал у него в гостях. Выйти с территории детдома можно было только с разрешения директора или завуча. Конечно, мы весьма часто нарушали это правило по разным поводам, одним из которых было созревание яблок и груш в соседских садах. На эти набегι разрешения никто не просил. Для похода в город к товарищу за песнями, я никогда отказа не получал.

Но вот, однажды, было это в середине августа, не помню по какой причине, я пошёл к нему без разрешения. В этот раз мне посчастливилось переписать у него очень популярную у нас песню про Витю Черивичкина, который погиб от немецкой пули, защищая своих голубей.

Мы прекрасно провели время, вместе сходили на фабрику-кухню, где вкусно пообедали по талонам, которые нам дал его папа и я, в отличном настроении пошёл домой по железнодорожным шпалам. Это был кратчайший путь. Уже подходя к детдому, я услышал сзади себя шаги, а затем ощутил на своём плече чьё-то руку. Оглянувшись, я увидел нависшую надо мной огромную фигуру. Это был наш директор Анатолий

Дмитриевич Крутиков, по прозвищу «Бусел», за его длинные ноги. Был он довольно строг, и я понимал, что мне грозит серьёзная взбучка. Он не стал на месте разбираться, лишь обгоняя меня, сказал: «Придёшь домой, зайдёшь ко мне в кабинет!» И зашагал дальше на своих ходулях. Когда я пришел домой и зашел в вестибюль здания, то увидел, что там уборщица моет пол и к директору в кабинет пройти было невозможно. Придя к нему через некоторое время, я узнал, что он уже ушёл домой. Я посчитал, что это и к лучшему. Возможно забудет, и всё обойдётся.

А назавтра утром, во время завтрака, ко мне подошла Анна Степановна и сказала, что меня срочно вызывает директор. По дороге я ей рассказал о вчерашней самоволке, о встрече с директором и об ожидании серьёзной «головомойки». Она как-то загадочно сказала: «Да, тебе достанется на орехи».

У директора в кабинете, за столом, напротив двери, сидели директор детдома, завуч (Нина Петровна) и ещё одна молодая женщина-инструктор райкома комсомола. А слева, спиной к окну, сидел усатый матрос. Одна половина его худощавого лица была сплошь усыпана синими точками, как татуировкой. Я смутился. Мне очень не хотелось позориться перед матросом (к морякам я относился с великим почтением).

А директор, как назло, начал с вопроса, скоро ли я со своими товарищами кончу лазать по соседским садам. Я был смущён до предела, начал было что-то лепетать в своё оправдание, но он меня остановил и неожиданно спросил, как у меня обстоят дела с поиском

родителей. Я ответил, что послал на адрес отца два письма, но ответа пока что не получил. Тогда матрос, сидящий у окна, спросил: «А кроме отца у тебя были ещё родные»? Я ответил, что были ещё мама, брат и сестра. Он спросил, как звали моего брата и что он делал перед войной. Я ответил, что звали его Исаак и что перед войной он учился в Выборгском военно-морском училище. И тогда он сказал, что знает его и может меня к нему отвезти, если я захочу. Меня очень удивил и оглушил такой наивный вопрос и я вдруг услышал, как из моего горла вырвался какой — то кошачий писк: «Конечно, хочу!»

— А ты узнаешь его, если увидишь? — Меня буквально взбесила тупость такого вопроса и я уже не пискнул, а крикнул: — Конечно узнаю!

Меня охватила тревога, стало трудно дышать и начало колотить. А матрос, тем временем, полез в боковой карман бушлата, достал какую-то маленькую книжечку (комсомольский билет) и со словами: «А такого узнал бы»? — развернул её перед моими глазами. В одно мгновенье я увидел всё, что было изображено внутри: «КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ», ордена, фотокарточка довоенного брата и запись: «Сорин Исаак Натанович». Я бросился ему на шею и в следующее мгновенье мы уже катались с ним в обнимку по полу, изображая борьбу, как это делали в добрые довоенные времена. Днём он пошёл на железнодорожный вокзал оформлять билеты, а я по задворкам и развалинам, за ним. Боялся опять потерять. А вечером, в пионерской комнате мы пели вместе песни, а он аккомпанировал на пианино.

*Минск. Детдом №12.
Середина августа 1945 года.*

Исаак, 1944 год

Назавтра, после обеда, попрощавшись с товарищами, мы с Исааком ушли на вокзал. Когда пришли, поезд уже стоял у перрона, но посадка ещё не началась. Мы пошли вдоль вагона, и в одном из окон увидели моряка. Исаак помахал ему бескозыркой. Моряк полностью опустил окно. Исаак ему сказал: «Корешок, подсоби». Моряк сказал: «Давай!» Исаак бросил ему сумку, поднял и передал ему меня, а затем подпрыгнул, уцепился за подоконник, подтянулся и нырнул в вагон. Вся эта операция не заняла и минуты.

И вот мы сидим на нижних полках за столиком друг против друга, а меня мучает вопрос, жива ли мама, жива ли Роза, а спросить я об этом боюсь. И он вдруг говорит: «А ты здорово изменился, вот приедем домой, мама тебя не узнает». Так, значит, мама тоже жива!

А Роза? Тогда он вскакивает и восклицает: «И мама жива, и Роза жива! Все живы!». На меня нападает какое-то неизвестное мне полное спокойствие, умиротворение. Я ни о чём не думаю. Меня ничто не беспокоит. Я вдруг осознаю, что всё позади, что начинается новая жизнь.

По ту сторону фронта

В то время, как под мрачным покровом фашистской оккупации проливалась кровь невинных людей, кровь детей, где-то далеко, за линией фронта, Красная армия сражалась с лютым врагом за жизнь на земле, за наше освобождение. В рядах этой армии сражались мой отец и старший брат. Я же был почти уверен, что все мои родные погибли и что увидеть их мне не суждено никогда.

Но жизнь предложила другой сценарий.

Брат Исаак к началу войны уже вернулся в своё училище и там продолжал службу, а родителям и сестре с невероятными приключениями удалось уйти от преследующих немцев и добраться до города Добринка Сталинградской области. В июле отец уже работал в местной газете «За Сталинский урожай», а в сентябре был мобилизован в армию и назначен политруком 294-ой транспортной роты, расположенной на станции Филоново, Сталинградской области. В этой должности служил в течение года. Рота выполняла штатные транспортные работы, в боевых действиях не участвовала, фронт был ещё далеко. Трудности службы были связаны с малочисленностью личного состава, негодной старой техникой, слабой ремонтной базой, фантастическими

осенними дорогами и большим объёмом перевозок, которые следовало выполнять неукоснительно.

Связь с домом в это время была хорошей. Мама с сестрой устроились работать в местный колхоз и, по крайней мере, зарабатывали себе необходимые продукты. В Филоново к маме приходили письма от брата из Ленинграда (Выборгское ВМУ перевели в Ленинград). Письма были полны оптимизма и веры в победу. Брат считал великой честью то, что курсантов их училища отправили на какой-то участок фронта отражать наступающих финнов. После войны мне довелось читать некоторые из этих военных треугольников. Мама пересылала некоторые из писем отцу.

Летом 1942 года немцы подошли к Сталинграду. Началась знаменитая Сталинградская битва. Рота переключилась на работу в прифронтной полосе и в зоне непосредственных боевых действий. Появились потери бойцов и техники. Из редких воспоминаний отца можно заключить, что это был для него самый тяжёлый период войны как физически, так и морально.

Тяжёлое положение на фронте, потеря связи с семьёй (мама с сестрой были вынуждены уехать из Сталинградской области на Урал), отсутствие сведений о старшем сыне, сражавшемся в блокадном Ленинграде и, наконец, потеря младшего сына, то есть меня, привели его, как он однажды выразился, в состояние озверения. Вероятно в тот период войны не он один находился в таком моральном состоянии.

С сентября по ноябрь 1942 года отец занимал должность комиссара 58 отдельной армейской автотранспортной роты, 28 армии, Сталинградского фронта, а в ноябре 1942 года был назначен заместителем командира по политической части 72 армейской роты, Бронетанкового управления 28 армии Южного фронта. Армейская рота была сформирована в связи с тем, что на фронте всё активнее и масштабнее начинали участвовать бронетанковые войска. Основной задачей роты являлась эвакуация повреждённой во время боевых действий бронетанковой техники и восстановление её работоспособности. В период отступления и обороны эвакуация производилась непосредственно во время боя, либо после него, если техника не оказывалась на территории, захваченной врагом. Неофициально подразделение называли «эвакорота».

Рота была оснащена тягачами, достаточно мощной стационарной ремонтной базой и передвижными мастерскими. Повреждённые танки с помощью тягачей извлекались из зоны боевых действий и транспортировались на ремонтную базу, а нередко, если повреждение машины было относительно лёгким, мобильные мастерские ремонтировали её на месте поражения, и танк вновь уходил в бой. Про этот период своей службы отец говорил как о тяжёлой работе, но работе, которая вызывала чувство удовлетворения, чувство непосредственной причастности к поражению врага.

С началом наступления нашей армии, характер работы несколько изменился. Всё реже приходилось

ремонттировать технику в условиях боя: война изменила направление.

Восстановилась связь с мамой, они с сестрой эвакуировались в Среднюю Азию, а через некоторое время пришло письмо и от брата. Он писал, что вместе с другом Олегом (фамилии его я, к сожалению, не помню) подали рапорт об отправке их на фронт, так как училище эвакуировали в тыл, был ранен, лечился в госпитале в Ленинграде, но теперь жив, здоров и продолжает убивать фашистов.

А отец в это время вместе со своей ротой двигался на Запад. Помимо существующих, у роты появилась ещё одна задача — разыскивать подбитые танки в Калмыцких степях и доставлять их на ремонтную базу. Приходилось совершать далёкие и длительные рейды.

Своей тяжёлой техники не хватало. И тогда в качестве тягачей стали использовать восстановленные немецкие танки, в основном, «Тигры». Помимо высокой тяговой способности, танк служил хорошей защитой от различных неприятностей.

Однажды их колонна, состоящая из двух «Тигров» и одного тягача возвращалась из очередного рейда и тащила за собой два подбитых танка. Двигались ночью с погашенными ходовыми огнями и водитель танка, в котором сидел отец, очень обрадовался, когда, наконец, начало светать и стала видна дорога. Колонна остановилась, чтобы немного размяться на свежем воздухе, осмотреться и прослушать окружающее пространство. Ничего не увидев и не услышав, экипажи заняли свои места и колонна двинулась дальше. Прошло какое-то

Отец. 1944 год

время после начала движения, когда колонна подверглась сильному артиллерийскому обстрелу. У отца была рация и он сообщил на свою базу, что приблизительно, в таком-то районе, колонну обстреливает немецкая артиллерия. В этот момент один из снарядов угодил в борт танка. Отец потерял сознание.

Когда пришёл в себя, был уже день. Солдат, находившийся в танке, доложил, о радиограмме с базы, в которой сообщалось, что в указанном районе никаких немцев нет и что можно спокойно продолжать путь на базу. Отец что-то хотел сказать солдату, но не смог из-за боли во рту. Одежда на груди была залита кровью, а на коленях белели осколки выломанных зубов. По возвращению на базу, отцу сообщили, что обстреляла их своя артиллерия, приняв колонну (в которой были «Тигры») за немецкую.

Пробыв какое-то время в госпитале, оправившись от контузии и поправив зубы, отец был отправлен в резерв, а в октябре 1943 был зачислен курсантом-стажёром на курсы мобилизационных работников, закончив которые в апреле 1944 года, был назначен начальником первой части Романовского райвоенкомата, Молдавия.

Брат, продолжая служить в осаждённом Ленинграде, во время прорыва блокады, был тяжело ранен

и был вывезен на Большую землю. После лечения в госпитале проходил реабилитацию в Средней Азии, где некоторое время провёл в семье с матерью и сестрой, а выздоровев, продолжил службу уже на Чёрном море.

Осенью 1944 года мать с сестрой Розой приехали к отцу в Романовку. В мае 45-ого пришла долгожданная Победа. В июне, завершив свою службу в Севастополе, демобилизовался и приехал домой в Романовку брат Исаак. Пережив войну, семья воссоединилась. Радость встречи была омрачена лишь отсутствием младшего сына.

Эпилог

В кабинете райвоенкомата за письменным столом сидел офицер и разбирал прибывшую почту. Голова капитана была совершенно седой. Спросив разрешения, в кабинет вошёл человек с портфелем в руке. Поздоровавшись, он сказал: «Натан Аронович, я пришёл, чтобы получить июльский взнос налога за малолетность. У Вас двое детей, не произошли ли за это время какие либо изменения?» На лице капитана отразилась боль. — «Уважаемый товарищ, в прошлый Ваш визит я уже говорил, что у меня трое детей и что мой младший сын Феликс жив, хотя где он сейчас я не знаю. И прошу Вас, выполняйте свой служебный долг, а меня по этому вопросу больше не беспокойте». Человек ушёл. Капитан продолжил свою работу. Настроение было тяжёлым. В руках оказалось очередное письмо, обыкновенный треугольник военных лет, со штампом «Проверенно военной цензурой», изготовленный из тетрадного листа. Ничего необычного. Но вдруг в мире что-то изменилось...

Отправителем письма значился Сорин Ф.Н.

В середине августа в Минский детдом приехал брат Исаак, а 22 августа 1945 года наша семья собралась в полном составе. Среди знакомых нам тогда еврейских семей не было ни одной, в которой все бы остались живы.

Кто скажет, что в мире не бывает чудес?

Содержание

Лето 1941 года	3
Дроздовский детский дом	17
Детский дом «Острошицкий городок»	33
И снова Минск	43
Поиск родителей	51
По ту сторону фронта	58
Эпилог	64

Дизайн обложки, компьютерная верстка,
печать и выпуск:

Издательский дом «Beit Nelly Media»
ул. а-Масгер 53, Тель-Авив, Израиль
+(972)–(3)–5610283, +(972)–(54)–4657509
www.beitnelly.com beitnelly@gmail.com